

11. ЦГАООРБ. Ф. 10295. Оп. 1. Д. 4.

12. Вагнер Г.К. О соотношении народного и самодеятельного искусства // Проблемы народного искусства / под ред. М.А. Некрасовой, К.А. Макарова. М.: Искусство, 1982.

## DEVELOPMENT OF BASHKIR NATIONAL ART IN THE FRAMEWORK OF AMATEUR CREATIVITY MOVEMENT IN THE USSR

*R.F. Mavlyutova, Postgraduate student, Department of  
Historiography, Source Studies and Additional History  
Disciplines, Bashkir State University*

The article describes the features of Bashkir folk music development in the framework of amateur creativity movement in the USSR. It has been revealed that at the beginning of its existence (1920-1930) the organized amateur creativity of the USSR considerably affected the development of Bashkir folk music. During later periods the amateur creativity, becoming more and more unified, ceased to influence the development of Bashkir national musical art.

*Keywords: amateur creativity, Bashkir folk music.*

УДК 94(47)

## ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ 1930-х гг. И ПОПЫТКИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

*М.Ю. Антимонов, кандидат исторических наук,  
доцент кафедры истории и философии Тамбовско-  
го государственного технического университета*

Рассматривается хулиганство и преступность, беспризорность и безнадзорность молодого поколения 1930-х гг. и способы преодоления этих «язв» общества.

*Ключевые слова: беспризорники, девиантное поведение, детские дома, ненормативная лексика, спецшколы.*

Конец 1930-х гг. – время контрастов. С одной стороны, экспедиция И.В. Папанина на Северный полюс, полёты легендарных лётчиков, военные победы на озере Хасан, реке Халхин-Гол, с другой – бытовое убожество (отсутствие приличного жилья, одежды и пищи) основной части населения страны.

Но если взрослые могли пережить все бытовые неудобства, то на детском организме даже временные лишения сказывались очень тяжело. Они нарушали физическое и духовное развитие ребёнка.

Детей и подростков, которые не имели постоянного места жительства, определённых занятий, а порой и родите-

лей, было ещё довольно много в рассматриваемый период времени. Все это создавало предпосылки к росту количества подростков с девиантным поведением. У таких ребят, как правило, формировались антиобщественные взгляды и привычки, что приводило к школьной неуспеваемости и недисциплинированности, к совершению правонарушений.

Уже не редкостью стало видеть пьяного или играющего в азартные игры на деньги школьника. Увлечение карточной игрой было распространено среди учащихся Бондарского и Алгасовского районов [1, л. 51], там же участились случаи распития водки [2, л. 107].

В речи подростков изобиловали нецензурные слова. Ученик 8-го класса Новотомниковской средней школы Алгасовского района выражался матом даже в присутствии учителей [1, л. 53об.]. Мартенихин и Харитонов из той же школы писали записки и делали надписи на стенах школ, используя ненормативную лексику [3, л. 4об.].

К сожалению, дурным примером служили взрослые, чьё негативное поведение можно было наблюдать в общественных местах. В Бондарский Дом культуры часто на танцы приходила пьяная публика, которая не стеснялась «крепких» выражений и агрессивных действий [2, л. 78об.]. То же самое происходило в клубах и кинотеатрах г. Тамбова. Нетрезвые, вульгарные молодые люди не обходились без драк и скандалов [4, л. 45].

Имели место и случаи недопустимого поведения со стороны преподавателей. В одной из школ существовал духовой оркестр, в котором должны были заниматься только учащиеся, но преподаватель музыки Ревелев привлёк к занятиям в кружке молодых людей, которые никакого отношения к школе не имели. Они приносили на уроки музыки водку и вместе с учащимися распивали её. Кроме того, школьники привлекались для проведения музыкальных вечеров вне школы за дополнительную плату [5, л. 2].

Подражая взрослым и не задумываясь о последствиях, подростки совершали

хулиганские поступки. Так, 1 января 1938 г. 4 ученика разбили окна, лампочки и учебные счёты в классе, выбросили в туалет 50 чистых тетрадей и оправились на них. Один из учеников 5-го класса совершил кражу игрушек со школьной ёлки [5, л. 2]. В одной из средних школ из физического военного кабинета учащиеся 8-х классов украли противогазы, порвали, выбросили их в туалет, оправились в ручкомойник, водой из которого пользовались учащиеся и учителя [6, л. 19].

Особенно плохая дисциплина была в школах № 51 и 64 г. Тамбова. Так, комсомолец Телепин дважды срывал замки, вырывал из стенгазеты статьи, критикующие его за недисциплинированность. На уроках подростки шумели, мешали учителю вести урок, а на переменах устраивали драки. Некоторые из них ходили с «финками». Ученики 7 класса школы № 1 Скребнев и Пешегоров явились в пьяном виде на торжественное собрание, посвящённое двадцатилетию ВЛКСМ. Для подобных ребят ничего не стоило нецензурно выругаться в присутствии взрослых, оскорбить учителя словом или даже действием [4, л. 39]. А в округе Сестринской школы Мичуринского района часто происходили пожары, нападения на учителей. 24 ноября 1938 г. педагогический коллектив даже телеграфировал в НКВД лично Ежову, чтобы он принял «меры по обузданию бандитизма» [6, л. 7].

Конфликтность подростка в отношениях с взрослыми и учителями, видимо, можно объяснить не только физиологическими изменениями (половое созревание, формирование психики), но и изменением всей системы взаимоотношений подростка с взрослыми и сверстниками. Стремясь избавиться, отстраниться от оценки и влияния взрослых, подросток становился критичным к родителям и учителям, начинал обострённо чувствовать и замечать их недостатки, подвергать сомнению советы и мнения, высказывания старших. На неадекватное поведение подростка существенно влияло и аморальное поведение взрослых. Возрастные амбиции, тяга к развлечениям и удовольствиям, легкомысленное

отношение к запретам, стремление ни в чём не отставать от всех, поступать «как все» – всё это неминуемо приводило к тому, что незаметно для самого себя подросток перешагивал грань допустимого.

Наказанием за хулиганское поведение учащихся служило исключение из школы сроком на один год. С нового учебного года они вновь могли вернуться к занятиям. Оказавшись вне школы, без каких-либо определённых занятий, ведя разгульный образ жизни, они становились беспризорниками. Так, в 1939/40 учебном году из школ Алгасовского района было исключено 11 чел. за нарушение правил внутреннего распорядка школы и оскорбление учителей [7, л. 2об], из школ Волчковского района – 5 учеников: 2 как дезорганизаторы школьной дисциплины и 3 как переростки, учившиеся в младших классах и нарушавшие дисциплину [7, л. 48].

В Гавриловском районе за недисциплинированность было исключено 7 учащихся [7, л. 66], а из школ Ламского района – 2 чел.: один из них – за драку с ножом, другой – за пагубное влияние на младших школьников. Этому нарушителю дисциплины было уже 16 лет, а он 4-й год сидел в 3-м классе [7, л. 213]. В Никифоровском районе исключили 4 учащихся. Они совершали хулиганские поступки, дискредитировали учителей и портили школьное имущество [7, л. 400]. По тем же причинам были исключены учащиеся школ Платоновского, Старо-юрьевского, Шехманского районов [7, л. 451, 521, 699].

Только за 1940/41 учебный год из школ области было исключено 603 учащихся: из начальных – 107, неполных средних – 185 и средних – 311 [8, л. 3]. Такие подростки, как правило, редко возвращались в ученический коллектив, исключение не служило средством исправления. Находясь в положении отверженного, школьник озлоблялся, а его поведение принимало угрожающий характер для окружающих. Так детская безнадзорность переходила в беспризорность и становилась одним из источников детской преступности. В сентябре 1940 г. в

Мичуринском районе двое подростков, угрожая револьвером, избили двух женщин и отобрали у них 135 р. [5, л. 5]. В городе Тамбове подростки лезвиями безопасной бритвы резали спинки пальто у проходящих по улице детей [9, л. 1] и занимались кражей учебников у школьников, продавая их в КОГИЗ [5, л. 2]. Встречались случаи, когда подростки пускали в ход нож [9, л. 3].

Город Тамбов наводняли безнадзорники со всей области. Поэтому при первом отделении милиции была организована комната привода безнадзорных детей. Детская комиссия отпускала средства на их питание и отправку обратно в колхозы и сельсоветы [10, л. 13]. Так, за 1936 г. городским отделом народного образования г. Тамбова были отправлены в детские учреждения города 1 500 безнадзорных детей из других районов области [10, л. 9].

Увеличение числа приводов подростков в милицию в 1938 г. было отмечено и в г. Моршанске. Ребят часто можно было видеть праздношатающимися на базаре и в городских магазинах. Некоторые из них занимались карманной кражей, курили, выражались нецензурными словами [11]. Всё это служило поводом для их задержания.

Несмотря на официальные рапорты о том, что с детской беспризорностью покончено, число безнадзорных и беспризорных детей по Тамбовской области увеличивалось. А это значит, что к концу 1930-х гг. эта проблема до конца так и не была решена и оставалась открытой.

Основная форма борьбы с детской беспризорностью – определение подростков в детские дома и спецшколы, которые стали бы их домом, где они были бы накормлены, обуты, одеты, получали бы необходимое воспитание и подготовку к общественно полезной трудовой жизни.

Но все эти учреждения в 1938 г. в Тамбовской области были переполнены. Контингент воспитанников в них составлял 4 065 чел., а учреждений насчитывалось всего 39, и рассчитаны они были на 3 750 учащихся (табл. 1).

Таблица 1

## Наполняемость детских домов и спецшкол в 1938 г. [12, л. 20]

Наименование детского учреждения	Количество учреждений	Бюджетный контингент на 01.01.1938 г., чел.	Норма наполняемости детских домов, чел.	Излишек сверх нормы, чел.
Детские дома общего типа	27	3 134	2 820	314
Детские дома с особым режимом	3	250	230	20
Спецшколы	9	681	700	19
<i>Итого</i>	<i>39</i>	<i>4 065</i>	<i>3 750</i>	<i>353</i>

К концу 1939 г. так и не была решена проблема с наполняемостью детских воспитательных учреждений, хотя их число увеличилось, а контингент воспи-

танников прибавился. Выпуск учащихся составил 165 чел. Приём же новых детей превысил число освободившихся мест и достиг 400 чел. (табл. 2).

Таблица 2

## Наполняемость детских домов и спецшкол в 1939 г. [12, л. 20]

Наименование детского учреждения	Количество учреждений	Контингент на 01.01.1939 г., чел.	Выпуск, чел.	Приём, чел.
Детские дома общего типа	28	3 134	125	91
Детские дома особого режима	3	250	10	10
Спецшколы	11	681	30	299
<i>Итого</i>	<i>42</i>	<i>4 065</i>	<i>165</i>	<i>400</i>

Из сводки годового отчёта по детским домам за 1940 г. видно, что основная масса детей поступала в детские дома общего типа от местного населения через отдел народного образования (171 чел., или 46,5 %). Можно предположить, что это были дети, родители которых не в состоянии были их прокормить и воспитать

из-за бедственного материального положения или из-за лишения родительских прав. А в детские дома с особым режимом большая часть детей была направлена из приёмников-распределителей НКВД (17 чел. или 53 %). Видимо, это были беспризорники и безнадзорники (табл. 3).

Последнее место пребывания детей до появления в детском доме [13, л. 9]

Учреждения, давшие сведения	Количество детей по списку на 01.01.40 г.	Принято в детские дома с 01.01.40 г. по 01.01.41 г.	Из домов младенцев	Из приёмников-распределителей НКВД	От местного населения через ОНО	Из других детских домов
Детские дома общего типа	1 638	368	79	62	171	56
Детские дома особого режима	73	32	--	17	5	10

Детские дома должны были не только предоставить кров детям, но и дать соответствующее воспитание, приучить к труду, помочь в выборе профессии. Для решения поставленных задач в детских домах организовывались столярные, слесарные, швейные, трикотажные, шёточные мастерские. Воспитанники работали под руководством инструкторов по труду. Это помогало учащимся старших классов овладеть какой-либо профессией. Но мастерских было недостаточно. Они функционировали только в 10 детских домах общего типа. Наибольшее число воспитанников работало в столярных мастерских – 140, в слесарных – 103 и в швейных – 80 учащихся. В одном детском доме с особым режимом была слесарная мастерская, в которой обучались 64 чел. Как мы видим, занятость детей была 100 %, чего не скажешь о мастерских в детских домах общего типа. Конечно, мы не имеем точных данных о численности воспитанников в 10 детских домах, но зато знаем, что в 16 заведениях такого рода было 1 603 учащихся. Следовательно, 323 ученика – низкий показатель занятости детей трудовой деятельностью. Но не всегда мастерские работали, если и были в наличии. Так, в детском доме № 1 г. Тамбова мастерские бездействовали в течение 5 месяцев из-за ремонта здания [14, л. 68].

Вследствие недостаточной материальной базы некоторые детские дома не имели возможности организовать мастерские, поэтому выпускники этих учреждений не получали необходимых трудовых навыков и не были готовы к профессиональной деятельности. А в это время государство проводило линию быстрого получения профессионального образования и дальнейшего трудоустройства. Пожалуй, именно в результате такой трудовой подготовки учащихся и могли появиться бездельники, дававшие брак в промышленности.

Кроме детских домов общего типа в Тамбовской области существовали спецшколы. В одной из них, которая находилась в г. Мичуринске, в 1938/39 учебном году обучались 67 детей в возрасте от 10 до 19 лет. Классы были укомплектованы следующим образом: в 1-м классе – 11; во 2-м – 16; в 3-м – 0; 4-м – 16; 5-м – 9; 6-м – 10; 7-м – 6, всего 68 учащихся. При этом необходимо отметить, что среди них были переростки: 16-летний во 2-м классе, 17-летний в 4-м классе и 18-летний в 6-м классе [13, л. 77об.].

Спецшкола размещалась на главной улице города и занимала 8 маленьких комнат (3 класса, столовая-кухня, 2 мастерских, учительская и кабинет директора с канцелярией) на втором этаже двухэтажного дома. Этих помещений было

недостаточно. Занятия проводились в две смены, а вечером эти классы занимали другие организации. Санитарное состояние данных учебных помещений было неудовлетворительное, так как часто отсутствовала влажная уборка комнат.

Классы были оборудованы двухместными партами. Около половины их не соответствовало росту детей. Многие парты были без спинок и сидений. На стенах висели портреты вождей, плакаты и таблицы, в старших классах – расписание испытаний.

Дети получали горячее питание. Столовая отделялась от кухни шкафами, помещение было украшено цветами. На стенах висели портреты вождей и стенгазета.

Столярная мастерская была светлая, но маленькая по размерам. Она вмещала всего 10 рабочих мест, поэтому старшей группе верстаков не хватало. Все дети вынуждены были работать в две смены. Несмотря на существующие трудности, школьники изготавливали табуреты, рамки, столы.

Девочки работали в швейной мастерской, которая тоже была очень тесной. Тканей для работы не было, поэтому шили для себя из своего материала (платья, сорочки, дорожки, кофточки, занавески и т.д.). А на лоскутках школьницы изучали виды швов. Кроме обычного шитья в мастерской выполнялись художественные работы: вышивание, аппликация [11, л. 81–82об.].

Финансирование спецкол было недостаточным. Это подтверждают и цифры. Так, процент выполнения финансового плана на 1940 г. составлял 98, 4 %. Этого, конечно, не хватало для полноценного творческого труда [15, л. 45].

Поскольку государственные детские учреждения не могли в полном объеме обеспечить содержание детей-сирот и беспризорников, приходилось прибегать к распространённым в те годы платным услугам отдельных лиц – патронату. Воспитателю выплачивалась определённая сумма (патронатное пособие) и оказывалась необходимая материальная помощь. Приёмные родители должны были

содержать ребёнка наравне с членами своей семьи, их обязанности были такие же, как у опекуна и попечителя. Финансирование патронируемых детей было возложено на колхозные кассы взаимопомощи. Но они в большинстве колхозов не были организованы, а те, которые имелись, бездействовали.

Поэтому материально-бытовые условия детей в ряде районов продолжали оставаться невыносимыми. Так, например, в Башмаковском районе (с февраля 1939 г. в составе Пензенской области) было 125 детей-сирот, а детей, родители которых «впали во временную нужду», – 200 чел. Абсолютное большинство этих детей находилось в тяжёлых материальных условиях: кроме хлеба и крупы колхозы ничего не выдавали, дети ходили в рваной одежде и прохудившейся обуви. Многие из них не посещали из-за этого школу, большинство детей-сирот посёлка Башмаково и села Колесово вынуждены были заниматься нищенствованием. Местные руководители района, председатели сельских Советов и колхозов не принимали решительных мер по оказанию детям-сиротам необходимой материальной помощи, созданию соответствующих условий для них и закреплению их на местах [16, л. 2]. Был случай в Покрово-Марфинском районе, когда за два года такого попечительства семье выдали патронатное пособие в размере 75 р. [10, л. 9об.]. А женщине, взявшей на воспитание 5 сирот, колхоз выдавал из продуктов только рожь. Когда же дети приходили в правление колхоза просить то, что им полагалось по договору, их грубо прогоняли [17, л. 8].

Аналогичное положение было в Кондольском, Керенском, Бондарском, Тамбовском, Пичаевском, Лысогорском и других районах области. В колхозе «Новая Деревня» Керенского района находились на патронате 4 беспризорника. Один из них был осличником, но даже его не смогли обеспечить учебниками. Одежда и обувь у него были рваные. Не имея определённого жилья, он жил в красном уголке, где постоянно был народ, шум, что не давало возможности учить уроки.

Мало заботясь о быте опекаемых детей, председатель колхоза Никонов использовал их в своих личных целях как рабочую силу. Он заставлял возить солому, которая предназначалась для его домашнего хозяйства [16, л. 2]. В Бондарском районе патронируемые дети жили тоже в отвратительных бытовых условиях: квартиры были грязные, постельные принадлежности отсутствовали [16, л. 2об.].

Из детдомов г. Тамбова в 1936 г. было патронировано 200 детей. Через год у 180 детей обследовали бытовые условия жизни. Оказалось, что 18 опекаемых жили хорошо, 155 – удовлетворительно, 6 – плохо и на одного ребёнка председатель колхоза «Красный перевоз» Ржаксинского района отказался заключить договор на патронат [10, л. 15]. Аналогичный случай отказа в патронате был и в Бондарском районе. А 3 ребятам повезло: их усыновили [10, л. 2об.].

В колхозе «Красный пахарь» села Беломестная Двойня Тамбовского района колхозница Леденёва взяла на попечение сразу 6 детей. Семья размещалась в маленькой избе. И дети, и взрослые спали на полу на соломе. Заработок Леденёвой составлял 22 трудодня в месяц. Поэтому питались в основном изделиями из одной ржано й муки. Ели три раза в день: ржаной хлеб, лапшу, кисель. Жиров не было никаких. Сахар опекун мог покупать только раз в месяц. Такая бедность была вызвана очень плохим финансированием. Тамбовским районо выдавалась скромная ежемесячная денежная помощь в размере 25 р. Этих денег еле-еле хватало только на приобретение обуви, одежды и школьных принадлежностей.

В этом же селе у другого опекуна, колхозницы Губаревой, жило двое патронатных детей, но так как они были местными жителями, им платили на 10 р. меньше, чем детям, приехавшим из других районов.

Иногда детей переводили из одной семьи в другую. Так, Ю. Колесников и Н. Швецов побывали в четырех семьях [17, л. 33, 33об.]. Иногда это происходило из-за плохих взаимоотношений между опекунами и детьми, но, как правило, было

связано с тяжёлыми материально-бытовыми условиями семей, в которых жили патронатные дети. У правления колхоза тоже были проблемы с продовольствием. Поэтому часто председатель колхоза не хотел вновь заключать договора с опекунами, ссылаясь на отсутствие продуктов [17, л. 22, 22об.]. Можно предположить, что отказ имел преднамеренный характер. Заключив договор с приёмными родителями на год, правление отказывалось его продлевать на следующий год.

Одни приёмные родители продолжали кормить и содержать детей, не получая от государства материальной помощи, другие сразу же отказывались от сирот, как только им прекращали платить за детей. Видимо, в последнем случае дети нужны были им лишь в корыстных целях. Семья рассчитывала на выделение дополнительных денежных средств и продуктов. Благодаря этой помощи семья легче могла справиться с нуждой. Ведь помимо опекаемого ребёнка в семье были, как правило, и другие дети (среднестатистическая семья состояла из 7–9 чел.). Поэтому сирота, попадая в приёмную семью, зачастую полностью не получал тех средств, которые на него выделялись.

Но с другой стороны, не хлебом единым жив человек. И приёмные родители вместе с другими домочадцами, оставляя ребёнка у себя, нередко создавали благоприятный микроклимат вокруг него, в котором он больше всего нуждался.

Некоторые дети находились на колхозном иждивении. В один из колхозов были направлены 22 воспитанника. Районо прислало 700 р. на их содержание. А колхозом было выдано им на месяц ржаной муки 264 кг, чечевицы 219 кг [17, л. 156]. И детям приходилось питаться утром одним хлебом, в обед – лапшой, вечером – ржаным киселём, так как деньги, присланные на содержание детей, были израсходованы не по назначению. Эти подростки были лишены даже самого необходимого: обуви, одежды и постельного белья. Спать приходилось им на соломе. Испытывая такую нужду, перебива-

ясь кое-чем, чтобы не умереть от голода, эти дети не могли и мечтать об игрушках или о каких-то культурных развлечениях. На это средства даже не планировались [17, л. 159].

В финансовом отношении для Советского государства всё-таки проще было содержать патронат. Детским домам и спецшколам нельзя было не выделять средств на одежду и питание воспитанников, так как других источников их содержания не было. А при патронате вся забота возлагалась на приёмных родителей, хотя правительство, передавая детей, обещало материальную поддержку. Но не всегда органы советской власти, как мы видим из примеров, выполняли взятые на себя обязательства по материальной помощи приёмным родителям, надеясь, что опекуны всё равно не дадут ребёнку погибнуть. Уж что-нибудь надеть и поесть всегда найдут. Иначе говоря, как-нибудь да просуществуют дети. По архивным материалам видно, что план по содержанию патронатных детей в 1940 г. был выполнен всего лишь на 79,6 % [15, л. 45].

Но и патронат, как и детские дома, не решал многих проблем, связанных с беспризорностью. Поэтому при детской комиссии были организованы предприятия для воспитанников детских домов, беспризорных и безнадзорных подростков, «временно впавших в нужду». Эти предприятия должны были вовлечь в производство подростков для получения трудовых навыков и производственной квалификации. После работы воспитанникам необходимо было учиться в неполных средних школах взрослых для получения общего образования [18, л. 1].

В основе производственного обучения лежала идея реализации на практике марксистско-ленинского положения о целесообразности раннего включения детей в производительный труд, разработанного советскими педагогами: Н.К. Крупской, А.В. Луначарским, А.С. Макаренко, С.Т. Шацким и др. Эта идея полностью соответствовала высказыванию К. Маркса о том, что «при разумном обществен-

ном строе каждый ребёнок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек...» [19, с. 197].

Предприятия для воспитанников детских домов существовали на полном экономическом хозрасчёте. Как и для любых рабочих организаций, для них составлялся план, который они обычно перевыполняли, причем не на 2-3%, а как минимум в среднем на 10%. Особенно отличилась трикотажная мастерская, работники которой перевыполнили план на 41 %. В среднем же план был выполнен по всем мастерским на 129 % (табл. 4) [20, л. 2].

По плану работы областной детской комиссии процент ученичества к рабочим в мастерских должен был составлять не менее 65 % [20, л. 2]. Всего таких предприятий по области было 19: трикотажная, часовая, фотография, электромеханическая, чувячная, никелировочная, зеркальная, бондарская, химическая, переплётная, колбасная, столовая, парикмахерская, пекарня, кожзавод. Ученики мастерских получали зарплату от 30 до 64 р. Во всех цехах система оплаты труда производилась сдельно, причём плата за починые работы (часовая, фото-, электромеханическая мастерская) устанавливалась в процентном отношении от валового дохода. Премии за добросовестный труд были введены в 1937 г. в трикотажном цехе [20, л. 3].

Остронуждающимся оказывалась материальная помощь. Учащимся выдавали одежду, бельё, обувь и по 1 р. 20 к. в день на обеды в столовой, квартиру оплачивало предприятие [10, л. 11]. Даже предоставлялась возможность отдыхать в домах отдыха, на курортах, в санаториях [22, л. 16]. А желающие получить среднее образование обучались в вечерней школе.

Промфинплан и его выполнение по производству  
товарной продукции [21, л. 2]

Наименование цеха и предприятия	План	Выполнено	Процент
Трикотажный	685149	965619	141
Пекарня	261120	294677	113
Часовая № 1	75000	83432	111
Часовая № 2	42000	46631	111
Фотография № 1	36000	38695	108
Фотография № 2	20400	26372	129
Электромеханический	50400	57268	114
Сапожный	50100	закрылся	10-11
Обойный	24000	закрылся	1
<i>Всего</i>	<i>1170069</i>	<i>1512694</i>	<i>129</i>

Производственное обучение было организовано путём прикрепления учеников к мастерам. А те, кто работал в трикотажном цехе, выделялись в особую группу с бригадиром. Обучение велось по программам. Старший мастер одного из таких предприятий отмечал, что ученичество проходило программу обучения только на практике, а теоретические занятия не проводились [23, л. 1]. После подготовки ученики переводились в подмастерья и оставались на предприятиях с переходом на сдельную оплату труда [10, л. 11об.].

На производстве применялись социалистические методы стимулирования труда – соцсоревнование, ударничество, стахановское движение. Отличников учёбы и производства премировали вещами.

Материальное положение учеников было настолько бедственное, что их старались награждать вещами первой необходимости. Из актов обследования бытовых условий учениц трикотажного цеха мы видим, в какой нужде они находились: «Жабина живёт с отцом, который получает заработную плату 60 рублей. Имеют свою избу. Она не оборудована, вся закопчённая, сырая, совершенно не отапливается, содержится в антисанитарном состоянии. Обувей никакой нет. Жабина ходит на работу и в школу в рваных калошах. Пальто старое пришло в негод-

ность. Нижнего белья не имеет, верхнее – одно только платье. Питаются очень плохо, не всегда употребляют горячую пищу». «У Зинаиды Поповой отец – пенсионер, получает пенсию 80 рублей, которую нерегулярно выдают. Живут они в ветхой избушке, очень тесной и совершенно неотапливаемой. Постельные принадлежности отсутствуют, а спит она на полу на старых тряпках. В школу и на работу Зинаида ходит в старых калошах, так как другой обуви нет. Нижнего белья тоже нет, есть только одно платье. Когда Зинаида его стирает, то надевает пальто. Питается семья очень плохо. Порой нет даже хлеба» [20, л. 20–21].

Политико-массовая и культурно-воспитательная работа в мастерских деткомиссии проводилась совместно со всеми рабочими. Это были беседы по докладам Сталина, Жданова, Молотова, изучение Конституции СССР 1936 г., проведение митингов. Ученики имели возможность посещать кружки при мастерских, за счёт предприятий им приобретали билеты в музей и театр им. Луначарского [10, л. 16 об.-17].

Переростков – выпускников из детских домов трудоустроивала деткомиссия Тамбовской области. Она обязывала директоров фабрик, заводов, предприятий принять на работу подростков и обеспечить их общежитием. Возраст ребят – от

14 до 16 лет, а образовательный уровень – от 1 до 7 классов. Так, в 1936–1937 гг. было трудоустроено по г. Тамбову 18 чел. Из них работали на заводе «Ревтруд» 10, на его строительстве – 4 чел., на заводе «Трактородеталь» – 3, на заводе «Комсомолец» – 1. Подростки, работавшие на заводе «Ревтруд», жили в чистом общежитии, были обеспечены предметами обихода, питались в заводской столовой. В худших материальных условиях находились работающие на заводе «Трактородеталь» – в общежитии было грязно, тесно, неуютно [10, л. 17].

Но несмотря на то что подросткам, пришедшим на завод, приходилось очень трудно в материальном плане, в налаживании быта, это был шаг вперёд к самостоятельной жизни, к трудовой деятельности, что, несомненно, приводило к их раннему взрослению. Получив работу, подросток понимал, что теперь он сам в ответе за своё будущее, только от его труда будет зависеть, как он будет жить дальше. Опека общественных организаций на этом заканчивалась.

А детские дома пополнялись новыми воспитанниками, так как материаль-

ное положение населения не улучшилось. Как ни старалось государство искоренить беспризорность, она продолжала существовать. Даже определив детей в специальные учреждения, государство не сумело создать хорошей материальной базы для здорового образа жизни подростка, для развития его умственных и творческих способностей. Здесь дети видели уже знакомую им картину: вопиющая бедность и голод. Единственное, что удерживало многих ребят здесь, – это наличие «угла» для проживания и возможность получить какую-нибудь рабочую профессию. Поэтому можно предположить, что всё-таки необходимость в этих детских учреждениях применительно к тому времени была. Плохо то, что финансировались они по остаточному принципу. В бюджете государства дети были на последнем месте. Подросток 1930-х гг., живший даже в семье, а тем более находившийся на государственном обеспечении, был многого лишён в жизни. Всё это ограничивало его интеллектуальное развитие. Зато пополнялась армия рабочего класса с уже заложенным с детства менталитетом.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1179. Оп. 1. Д. 14.
2. ГАСПИТО. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 82.
3. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 96.
5. ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 360.
6. ГАТО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАТО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 18.
8. ГАТО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 42.
9. ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 22.
10. ГАТО. Ф. Р-1737. Оп. 1. Д. 19.
11. Большевик. 1939. 27 февр.
12. ГАТО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 22.
13. ГАТО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 31.
14. ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАТО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 29.
16. ГАТО. Ф. Р-5300. Оп. 1. Д. 12.
17. ГАТО. Ф. Р-1737. Оп. 1. Д. 21.
18. ГАТО. Ф. Р-5300. Оп. 1. Д. 13.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16.

20. ГАТО. Ф. Р-5300. Оп. 1. Д. 4.
21. ГАТО. Ф. Р-5300. Оп. 2. Д. 5.
22. ГАТО. Ф. Р-1737. Оп. 1. Д. 10.
23. ГАТО Ф. Р-5300. Оп. 2. Д. 2.

## NON-STANDARD BEHAVIOUR OF YOUNG GENERATION OF THE 1930s AND ATTEMPTS OF ITS OVERCOMING

*M.Y. Antimonov, PhD in History, Associate Professor  
of the Department of History and Philosophy, Tambov  
State Technical University*

Disorderly and insulting behavior, criminality, homelessness and neglect of young generation of the 1930th and the ways of overcoming these "ulcers" of a society have been considered in the article.

**Keywords:** homeless children, non-standard behavior, children's homes, substandard lexicon, special schools.

УДК

## ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ ДЕТСКИХ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*А.П. Гузенко, аспирантка кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета; заместитель начальника управления образовательных программ Всероссийского детского центра «Орлёнок»*

В статье на основе анализа современного состояния сферы деятельности детских оздоровительных центров подробно рассматриваются проблемы и противоречия институционального развития детских оздоровительных центров. Анализ феномена ведется в макроаспекте.

**Ключевые слова:** детский оздоровительный центр, социальный институт, образование детей, социализация, воспитание.

Теоретико-методологическое осмысление феномена детских оздоровительных центров связано с анализом их специфики по сравнению с другими образовательными учреждениями общего и дополнительного образования

детей, выявлением особенностей их функционирования в современных условиях, поиском проблем и перспектив развития.

С точки зрения социологии детский оздоровительный центр – это прежде все-